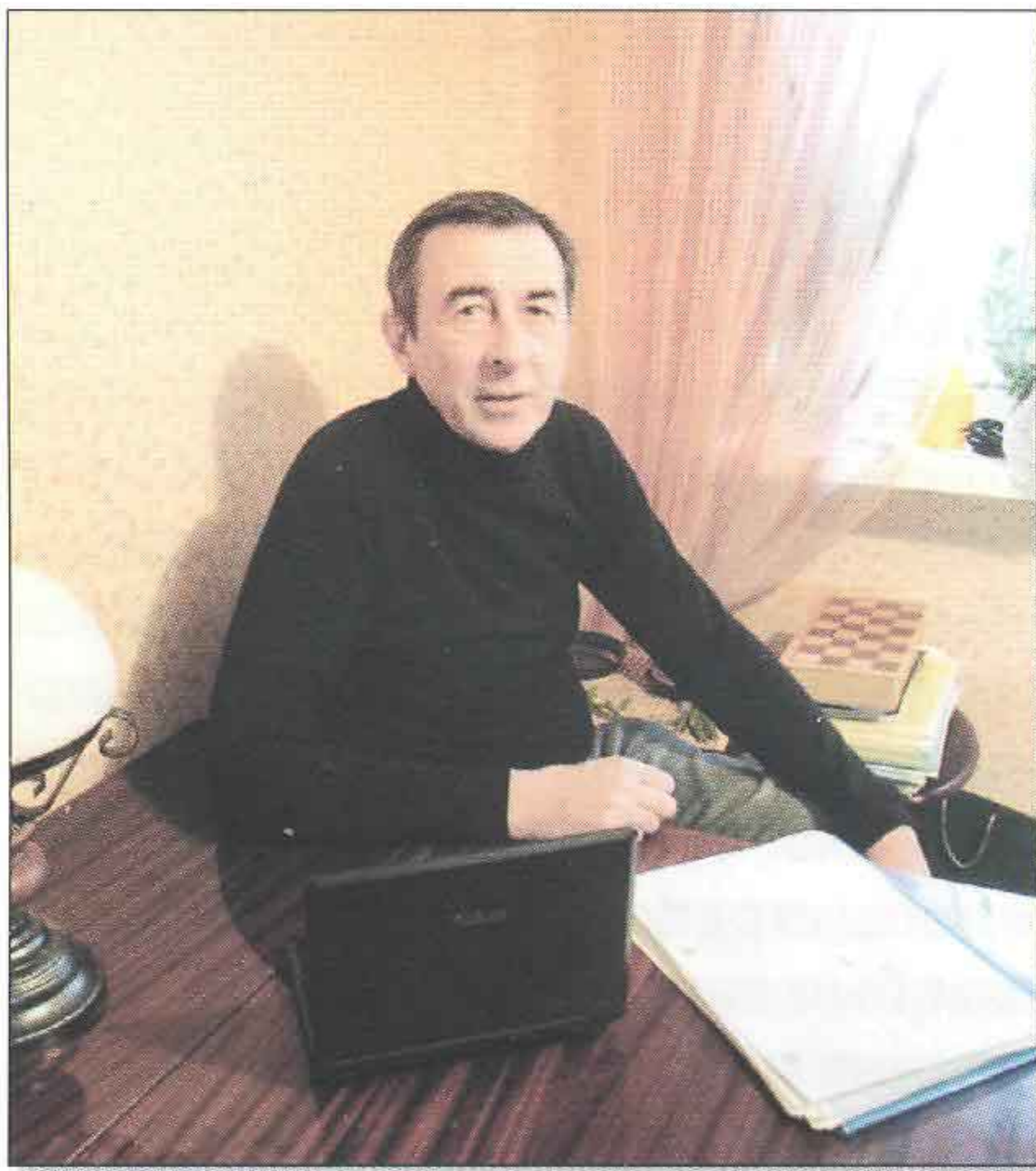

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ КАЛИТЫ

Когда речь заходит о князе Иване Даниловиче (1288–1340 гг.), у историков часто не находится никаких эпитетов, кроме: денежного мешка, скопидома, вероломного татарского угодника. Словом, Калита, и – все тут. Откуда такая нелюбовь к «отеческим гробам»? Свидетельства-то разные бывают... Как рассказывал, к примеру, средневековый монах Пафнутий Боровский: «...в этом прозвище народ с характерным московским аканьем метко подметил основные черты князя, с юности отличавшегося добротой и состраданием. На поясе княжич постоянно носил калиту (суму) с серебром, коим щедро одаривал страждущих». Истинно ли это, приду-мано?..

Александр Матвеев

В основе всех этих мифов заключена тайна. Имя этой тайны – Русь. А, если точнее – маленький городок на окраине Владимиро-Суздальской земли, которому было суждено стать столицей государства Российского.

Первый русский историк Н. М. Карамзин, не испытывавший недостатка в первоисточниках, упоминая о городке, что вдруг «возвысил главу и спас отечество», не нашел лучшего объяснения чем – чудо. И благо, если б историк, подобно древним летописцам, объяснявшим все непостижимостью Божьего промысла, не устремился к мифотворчеству. В основе его умозаключений о Калите лежит – «сила, воспитанная хитростью».

Другой историограф С.М. Соловьев недалеко ушел от Карамзина, отметив, правда, вслед за летописцами, что внук Александра Невского избавил Русь от татей (татар), получив право самому собирать дань.

Историк Н.И. Костомаров, повторяя прежние стереотипы об Иване Даниловиче, как о человеке характера не воинственного, хотя и хитрого, не мог не отметить, что восемнадцать лет правления князя

были эпохой прочного усиления Москвы и ее возвышения над русскими землями.

Когда пытаешься через столетия взглянуть в великого создателя и хранителя Руси, поневоле задаешься вопросом: каким образом возвышалась и богатела Москва без войн и грабительских набегов на соседей? Как удавалось ладить с грозной Ордой, сохраняя национальную самобытность? Очевидно, что для этого требовались не только серьезные дипломатические усилия, но и правильное понимание торговых отношений. А рост городов на Руси способствовал развитию внутренней торговли и таможенного обложения.

Таможенные отношения средневековой Руси не были такими примитивными, какими могут показаться нам с высоты веков, ибо торговля являлась главным средством накопления богатств. А для Москвы, старавшейся принципиально придерживаться миролюбивой политики, это обстоятельство являлось едва ли не определяющим в ее тогдашнем и будущем положении в системе русских княжеств. Но были свои сложности.

Если в Киевской Руси пошлины были едиными для всех, то в эпоху раздробленности каждый феодал устанавливал свои таможенные границы. Следовательно, и пошлины устанавливались соразмерно аппетитам правителей. Важно, что появился тот, кто вовремя сумел озаботиться интересами государственных, а не только личных, – Иван Данилович Добрый, чье житие содержит немало загадочного, порой – мистического.

Позднее митрополит Киприан в послании к Дмитрию Донскому, внуку Калиты, назвал приснопамятного князя Ивана не только благочестивым, но и святым, радеющим о народе. Возможно, митрополит читал Евангелие, которое одни

называют Сийским (по месту обнаружения в 1829 году близ устья Северной Двины в Антониево-Сийской обители), другие – Евангелием Калиты. Особенно загадочно послесловие к Евангелию, содержащее жизнеописание князя, изложенное в иносказательном стиле. Но кроме прочего это еще и духовное завещание Калиты, пример его прозорливости и умения далеко заглядывать в будущее.

Мартовский день 1340 года клонился к вечеру, когда к воротам монастыря Преображения Господня, что вблизи княжеского двора, подошли двое. Тишина, и – только поскрипывает под ногами снежок, подтаявший было к полудню. Тот, что постарше, Мелентий, один из лучших переписчиков Московского княжества. Второго, парня лет семнадцати, звали Прокошей, и был он любимым учеником Мелентия. Весь путь до монастыря они прошли молча, стараясь постигнуть необычность и важность задачи, возложенной на них владыкой Иваном, архимандритом Спасского монастыря, под руководством которого несколько месяцев трудились над списком Евангелия. Обычно невозмутимый владыка заметно нервничал. Особым предметом его забот являлось послесловие, в текст которого архимандрит постоянно вносил разного рода изменения и дополнения. Еще бы: речь в послесловии шла о деяниях князя Ивана Даниловича, прозванного в народе за доброту и щедрость Калитой.

До переписчиков доходили слухи о том, что хворавший последнее время князь уже составил завещание и даже ездил в Орду для его утверждения у хана Узбека. Но та духовная грамота больше касалась движимости и недвижимости, вопросов политики. То же, над чем

трудилась Мелентий с Прокошей, более напоминало отчет князя перед Богом и людьми. И хотя вслух это не произносилось, но переписчики были людьми неглупыми. Понимали: из пророчеств Священного Писания вырисовывался образ грядущего в мир «Царя» – Иисуса Христа, который будет судить бедных по правде, и дела страдальцев земли решать по истине. В сложной многоплановой символике образ земного «царя последних времен» – великого князя Московского как бы наслаивался на образ Царя Небесного.

Ощущали переписчики важность трудов владыки Ивана. Догадывались, почему даты и события земные переплетаются с событиями Евангельскими. Одного в толк взять не могли: зачем теперь архимандрит отправил их с законченной работой к монаху по имени Ананий, наказав все исправления и замечания того неукоснительно исполнять и в текст Евангелия соответствующие изменения вносить. Какова же власть дана таинственному монаху, если дозволено

ему слова архимандрита править!

В монастыре переписчиков ждали, и даже сам игумен проводил их в келью Анания. Удивление и волнение Мелентия и Прокоши возрастало: у входа в келью игумен перекрестился троекратно. Монах, чуть сгорбившись, стоял у небольшого окна. Когда он повернулся, переписчики рухнули на колени: перед ними был сам великий князь Московский. А Иван Данилович коснулся склоненных голов и кротко молвил: «Встаньте, братья, ибо не князь пред вами, а смиренный инок». Мелентий достал из сумы Евангелие, поклонился.

Многие русские князья перед кончиной принимали постриг, иногда оттягивая это событие до последних часов. В этом была своя хитрость: получить у Всевышнего преимущества, которые полагались монахам за их земные подвиги. Но Калита, подобно своему деду, Александру Невскому, не пытался обмануть небеса: решение было предсказано митрополитом, в чью церковную епархию входила Москва.

Монах коснулся списка: то ли?.. Что скажешь, наставник и учитель, владыка Петр, глядя на труды эти с Высоты своей?..

Разоренный татарами Владимир уже не мог служить достойным местопребыванием для главы всея Русской Православной Церкви. Это был город теней, а не живых людей. Переяславля, с его утонченной евангельской духовностью, тоже коснулось запустение. Город обезлюдел, сжался в кольцо земляных валов, покрылся пепелищами. Москва же приятно выделялась среди иных городов: здесь кипела жизнь, и люди жили достойнее, чем в других местах. Гость Москвы был уверен в своей безопасности, а заезжий купец знал, что таможенные люди не возьмут с него лишнего – ни за провоз товара, ни за хранение.

Все это вызывало неизменное одобрение у любившего навещать Москву митрополита Петра. А тот, вынужденный много путешествовать по пастырским делам и имевший ярлык от хана, освобождавший его от пошлин, любил давать хорошие советы князю. «Много видел я правителей, которые в пого-

Иван I Данилович Калита.
1328–1340 гг.

не за сиюминутной выгодой драли по семь шкур с проезжающих по их владениям, – говаривал Петр, – да только пользы от того – чуть. Иной человек много раз подумает, прежде чем снова через такое княжество ехать. У тебя же дело иначе поставлено, с умом и выгодой обоюдной».

Благодарно внимал Иван словам митрополита. С подсказок владыки стал он изучать размеры пошлин и налогов у соседей. Подмечал недостатки, брал на заметку все ценное. Следил, чтобы его люди не изменяли самовольно установленную им пошлину. Все это порождало ответное доверие. Поэтому, когда позволяла обстановка и пошлины немного повышались, никто не обижался. Все понимали: явление это временное, и не жаден князь, но рачителен. Те купцы, что везли товары особенно необходимые Москве, имели от князя разного рода послабления. Не раз князь лично рассматривал просьбы купцов и, действуя сообразно ситуации, мог снизить или повысить размер пошлины за провоз или хранение товаров. Все это не могло не вызывать насмешек и кривотолков со стороны соседей: не княжеское, мол, это дело – медяки считать. Не с их ли нелегкой руки приняло прозвище Ивана – «калита» презрительный оттенок?

Но что до того Ивану Даниловичу, раз за ним – сам митрополит, возвышавшийся своим авторитетом над всеми князьями. Да и о каменном кафедральном соборе по-

Духовная грамота великого князя Владимирского Ивана Даниловича

думать пора, а на его возведение – вон какие деньжищи требуются! Но ничего: быть Успенскому собору на Москве! Об этом и многом другом говорилось на подворье митрополита, что на западной оконечности Боровицкого холма. Там, где среди высоких сосен древнего бора высилась стройная деревянная церковь Иоанна Предтечи, первая построенная в Москве. Где, как не здесь, поразмышлять о будущем величии Московского княжества и о предназначении его как центра Православия. Только здесь.

Учился Иван Данилович приоткрывать завесу над будущим, заглядывать за пределы смертному данным. Сознанием избранности своей проникался князь Московский. И теперь Инок Ананий, поглядывая на переписчиков, хранящих почтительное молчание, думал, какие хвалебные места сократить. Старался глазами покойного владыки Петра на список взглянуть. Вспоминался последний разговор с любимым учителем, которого просил истолковать странный сон.

Во сне, как наяву, едет князь по окрестностям Москвы. И вдруг – впереди высокая гора, покрытая сверкающим на солнце снегом. Неожиданно тает снег, исчезает гора, словно растаяв в воздухе. Что это?

Митрополит объяснил сон просто: скоро не станет его, Петра, а потом придет черед и самого Ивана. Важно память добрую о себе оставить, а для того к праведной жизни стремиться надо. Спросил

Иван тут о том, что давно мучило: «Отче, может ли быть власть без греха? Нельзя на вершину ее без крови, знаю, истинно вижу!» Ответил Петр твердо: «Может без греха власть быть, сын мой, ибо и в Писании об этом сказано. Помни: каков правитель, таковы и подданные». А еще добавил, что перед кончиной явится Ивану старец. И как сказал, так и случилось: явился Ивану Даниловичу вестник смерти. А было так...

В первый день весны, ближе к полудню, возлежащий на одре в палатах своих князь Иван Данилович вдруг услышал глас: «Старец пришел!» Князь поднялся, на голос поспешил, но – в передней не было ни души. Только в дальнем конце, в проеме окна, виднелся силуэт крестника князя – Алексея, сына боярина Федора Бяконта. Иван Данилович был искренне привязан к этому юноше, рано принявшему постриг. Порой князь ловил себя на мысли, что, если и случится быть на Москве своему митрополиту, то лучшей кандидатуры, чем Алексей, не отыскать. Монах вполголоса читал из Писания. Князь прислушался.

«Как вышел он нагим из утробы матери своей, таким и отходит, каким пришел, и ничего не возьмет от труда своего, что мог бы он понести в руке своей», – произнес Алексей и поднял взгляд от книги Екклесиаста на Ивана, улыбнулся чистой улыбкой. В ответ на вопрос князя, не видел ли тот старца, Алек-

сей покачал головой и снова улыбнулся, серьезно и чуть загадочно. Что же до слуг и ближних, никто из них старца тоже не видел. Но князь Иван был уверен – Знак был: пора принимать постриг.

Милостив Господь, позволяет в монастырской тиши свой жизненный путь обдумать. Еще раз прикинуть: так ли завещание составлено. Главное в нем, чтобы старший сын «большим наделом» владел: землями, имуществом, властью. И этот наказ внукам передал. Тогда междоусобиц за власть не случится, возродится Русь, как быть ей должно.

И еще нечаянная радость: довелось вот подержать в руках то, о чем размышлял многократно – духовное завещание потомкам своим. Но с завещанием этим есть одно существенное приложение, которое лишь правнуками будет озвучено – «иметь пользу государству».

Лицо инокана Анания, при свете свечи разглядывающего миниатюры, что содержались в списке, постепенно приобретало выражение особое, неземное даже. Внешне миниатюры не имели прямого отношения к Евангелию, но Мелентий чувствовал, что заключен в них некий тайный смысл. Переписчик был уже почти уверен, что живописец работал над миниатюрами в соответствии с пожеланиями князя. И наверняка не обошлось без участия Ивана Даниловича и создание самого текста. Но как их игумен Иван, ни на минуту не покидавший монастырь, мог общаться с князем – загадка.

Ананий, словно угадав мысли Мелентия, оторвал взор от списка, взглянул на переписчиков, жестом дал понять, что пока отпускает их. Жест, впрочем, помимо воли монаха, получился вполне княжеским.

Переписчики удалились, а Иван Данилович вновь обратил взор на миниатюры: «Поклонение волхвов» и «Отослание апостолов на проповедь». Тайный смысл в миниатюрах действительно был: князь постоянно думал о зарождающейся московской государственности.

Сидящая на престоле Богоматерь с младенцем и устремленные к ней в молитвенном движении волхвы на фоне фантастических палат – являлись живописным воплощением тайной мечты князя о

В.М.Васнецов Московский Кремль при Иване Калите

грядущем царстве свободы и справедливости. Как бы успешно ни складывались отношения с Ордой, Калита ни на миг не забывал, что на землях его предков хозяйничают чужеземцы. А захватчик был умен и опасен. Но и много полезного можно было у него перенять. Иван Данилович понял это, когда впервые оказался в Золотой Орде в лето 1320-е.

За годы борьбы со степью пытливые русские люди хорошо узнали быт и нравы кочевников. Однако многое постоянно удивляло.

Более всего Калиту поразила ставка хана (Орда), представлявшая собой огромный город, движущийся по степи. Были здесь свои лавки, базары и даже мечети, которые, словно по волшебству, возникали в местах привалов. Всевластным хозяином кочевого города был хан Узбек. В шатре из деревянных прутьев, обтянутых золотыми листьями Узбек впервые принял московского князя.

Калита выразил хану искреннее восхищение порядком в его удивительных владениях, чем заслужил особую милость Узбека – чашу с кумысом. Хан, обычно равнодушно поглядывающий на посетителей, вдруг проявил неожиданный интерес к молодому князю, благосклонно ответил на ряд вопросов гостя. И, прежде всего – о великолепии и пышности базаров. Казалось, товары со всего мира были здесь. Что заставляло чужеземцев проделывать огромный путь сюда?

Ответ Узбека был прост: хан запрещал облагать торговцев пошлиной, превышающей двадцатую часть от привезенного товара. Хотя в его власти было установить и более жесткие пошлины. Так же не облагались налогом и пошлиной монастыри, что способствовало лояльности церкви к Орде. Много интересного узнавал Калита. Особенно – находясь в столице Орды городе Сарай, где свел весьма полезные знакомства с арабскими купцами, людьми весьма учеными.

Как объясняли купцы, важнейшим делом в системе торговли были таможи. Слово это появилось после татарского нашествия на Русь. Вначале появилась «тамга», то есть «клеймо», которое ставили на скот. А вскоре тамгой стали называть пошлину, взимающуюся на базарах и рынках. От этого и пошло слово

«таможить», а значит – взыскивать пошлину. Место, где «таможили» товар, стало называться таможней. Следовательно, появились и таможенники. В обязанности этих особых людей входило следить за незаконным ввозом товаров и за уклонением от уплаты пошлины. Существовала своя система штрафов. Все было продуманно, и князь примирял этот порядок к своему княжеству.

Одно печалило Ивана: большое количество русских людей на невольничьих рынках Сарая. Через доверенных людей князь тайно выкупал пленников, но его возможности были, увы, ограничены. А те же, кто благодаря Калите вновь оказывались на родине, несли в народ самые добрые слова о великодушии московского князя. Знал об этом и Узбек, но уважение его к Ивану совсем от того не уменьшалось. Воистину непостижима душа иноземца, а хана Орды – тем более.

И об этом размышлял инок Ананий, изучая литографию, на которой двенадцать апостолов приближаются к благословляющему их Иисусу Христу. Иван Данилович всегда ощущал себя избранником божьим, дабы «во дни его воссияла правда». А государственная деятельность требовала решений неожиданных, нестандартных. Такова была просьба Калиты Узбеку о продаже ему огромных лесных и безлюдных территорий, центрами которых служили Галич и Углич.

Узбека очень позабавило желание Калиты стать «лесным царем», но, поразмыслив, хан летом 1328 года выдал Ивану ярлык на пожизненное управление этими областями, добавив и часть земель из княжения Владимирского. Это была великая мирная победа Калиты.

Приобретенные Калитой области имели огромное стратегическое значение для борьбы за русский Север с Новгородом. Кроме того, отсюда начинались водные пути в земли тверские и Белозерские. Наконец, леса были богаты пушным зверем. Князь Иван мог теперь посылать артели охотников для добычи «мягкого золота», которое становилось основной статьей русской торговли с восточными и западными соседями. Не забывал князь и о добыче ловчих соколов и кречетов, ценившихся в Орде.

Печать великого московского князя Ивана Калиты. XIV в.

Разумеется, охотники и сокольники освобождались от поборов, поскольку «люди те надобны» были очень.

Шаг за шагом выстраивалась мытная (таможенная) система «лесного царя», наводившего порядок в необъятных своих владениях.

Прежде всего, Иван старался упорядочить систему штрафов и наказаний за нарушение установленных правил перевозки товаров. Уклонение от уплаты мыта (промыта) наказывалось штрафом в размере двух пошлин. Но не менее действовало и наказание «кнутом». Широко стали применяться и «заповеди», штраф с купцов, складировавших товары в домах частных лиц. Величина «заповеди» обычно равнялась двум рублям. При этом одна половина шла в казну, а другая – таможенникам. Это же касалось и «протамги», пени за неявку товара в таможню. Не скупился на нужды таможни князь: благое дело поддерживать и развивать необходимо.

С любопытством наблюдал хан Узбек за изменениями в землях Ивана. Когда же недоброжелатели Калиты пытались намекнуть хану о возрастающем влиянии княжества Московского, Узбек только посмеивался в редкую бородку: более всего он ценил порядок в своих улусах. Конечно, Узбек был заинтересован в транзите товаров через Сарай, но на пошлины, взимаемые Калитой за провоз товаров по своим землям, предпочитал закрывать глаза. Порядок, установившийся на Москве, обеспечивал купцам безопасную доставку товаров в Орду.

А на Москву потянулись не

только среднерусские и новгородские купцы. Появились на рынках московских восточные украшения: перстни с драгоценными камнями, жемчуга. А также – пряности, сахар, миндаль, грецкие орехи, сушеные фрукты и травы. В избытке было и цветной посуды, украшенной глазурью, красок для иконописцев.

Благоволил князь Иван и к ордынским купцам, на что имелись свои причины: скот, пригоняемый ими, был жизненно необходим. Универсальной статьёй дохода купцов были невольники, но рынок торговли людьми князем отвергался. Купцы (большой частью среднеазиатские мусульмане) недоумевали: такое выгодное дело, и – на тебе, не желают! Сами же татары прекрасно обходились и доходами с транзита товаров через московские земли. Устойчивые договоры с князем на этот счет соблюдались неукоснительно, и каждая сторона имела свою выгоду.

Вспомнился последний визит в Орду, когда Калита привез на утверждение хану духовное завещание. Долгий был разговор с Узбеком, почти задушевный. Постаревший хан, вглядываясь в черты Ивана Даниловича, мысленно прикидывал: а так ли много осталось жить ему самому, властелину половины подлунного мира.

Еще мальчишкой впервые увидел будущий хан сказочный город Хорезм. Повзрослев, понял, какой должна быть его столица. Вот и князь отмечает, сколь приукрасился и похорошел его любимый Сарай. А ведь столица Орды, по сути, и есть Хорезм, мечта его, обретшая плоть. А есть ли потаенная мечта у русского князя? Наверняка – есть. Но какая? Думалось Узбеку, что он так до конца и не разгадал этого умного и приветливого князя. Завещание Калиты прозорливостью и взвешенностью напомнило Узбеку заветы великого Покорителя Вселенной. Да, эти русские умеют учиться. Пытлив их ум и остер. А что в душах их – один Аллах ведает. Не враги сейчас, а в грядущем – что?..

Конечно, не мог Калита так глубоко проникнуть в мысли хана, но о многом догадывался. Двум мудрым правителям порой и не надо слов, дела за них говорят. А свои мысли потаенные умел Иван хорошо прятать. Их вообще иной

раз лучше зашифровать языком иносказательным и бумаге доверить. Что он, в сущности, и сделал ныне. А Евангелие с послесловием к нему, что у него сейчас в руках, будет в свое время прочитано и понято правильно. Важно сберечь все это до поры: от врагов своих и от пожаров, что часты на Москве.

Решение пришло неожиданно: теперь он знал, где сбережет для потомков самое важное, хотя и невещественное завещание свое.

В первый день апреля 1340 года по размокшей от дождя лесной дороге брели уже знакомые нам Мелентий с Прокошей. Путь их лежал почти на край земли, в небольшой монастырь на Северном море. В заплечной суме, которую несли по очереди, лежал массивный ларец. Что было в том ларце, путники предпочитали не обсуждать, хотя и знали наверняка – Евангелие, которое им довелось переписывать. Зачем этот драгоценный груз должен быть доставлен в столь глухой уголок земли русской, – ведомо лишь иноку Ананию. Их дело выполнить волю его, а потом навсегда забыть об этом поручении.

Дождь, зарядивший с утра, усилился, и путники поспешили укрыться под каменной грядой, возникшей на пути. В небольшом углублении среди камней, спина к спине, можно перевести дух, слегка подкрепиться. Подходила к концу пятая седмица Великого поста, потому и угощение их получилось совсем скромным: по репе на брата.

«Суббота Акафиста сегодня», – произнес Прокоша. Оба знали, что в этот день во всех церквах читался знаменитый Акафист Божьей Матери. Мелентий кивнул, вспомнив, что это песнопение, по словам архимандрита Ивана, было особенно любимо Калитой. «А небо словно плачет», – Прокоша стер дождевую влагу с лица. Спутник снова кивнул.

Эти двое еще не ведали, что плакала не только природа, но и весь осиротевший московский люд. Как последняя милость Пречистой Девы, как прощание звучал Акафист над каменной гробницей в Архангельском соборе московского Кремля. Провожали Ивана Калиту.

В тот день плачущий, перепуганный народ, потерявший своего предводителя и защитника, даже не догадывался, какие испытания выпадут на его долю в будущем. Не знали этого истово крестящиеся бояре, что сгрудились у гроба. Хмурились, сдерживая слезы, сыновья князя. Но они получили от отца ясный наказ: сохранить на Руси «великую тишину». Под мирным покровом должно продолжаться «собрание земель» вокруг Москвы. Пока не грянет Час.

Сыновья выполнили волю отца: твердой рукой смирили Новгород и Литву, не доводя дело до большой войны. Хранили мир с Ордой. Их дружба с митрополитом Феогностом привела к тому, что исполнилась давняя мечта Калиты о «московском митрополите». Им стал монах Алексей, сын боярина Федора Бяконта, крестник Ивана Даниловича.

Настало время, и митрополит Алексей и старец Сергей Радонежский благословили внуков Калиты Дмитрия Ивановича Московского и Владимира Андреевича Серпуховского вывести Русь на простор Куликова поля.

Доподлинно известно, что всех потомков Калиты отличало одно качество – чувство глубокой ответственности перед Богом и людьми. А строительство государства воспринималось ими как возведение Храма. Не о том ли Царстве Божьей Правды мечтал некогда их великий предок, создатель и философ князь Иван Данилович? Тяжела была для него и потомков его «Шапка Мономаха», но все они носили ее с честью. Болели за Отчизну московские князья, ни сил, ни жизнью не жалели. Видели и понимали это русские люди, ценили и любили своих вождей. В том – истинная сила и величие Москвы. В этом великая тайна Руси, сумевшей выстоять и победить во всех испытаниях.

Но все это еще только будет. Пока же – надо идти. Мелентий потряс за плечо задремавшего было Прокошу: надо идти, впереди еще долгий, очень долгий путь...

Александр Матвеев
драматург,
член Союза писателей России